

свою светскость, будто бы по-русски произнес: "Милости прошу" с ударением на "о". Но на мои вопросы он не ответил. "Что мог бы я сказать, чего вы не знаете? Разве житейские факты существенны для оценки художника? Разве нужен ему какой-то паспорт (тут Клилинг жестоко ошибался: через небольшой промежуток времени оказалось, что "хороший" паспорт очень нужен)? Вы видели мои картины, могу показать вам еще одну-другую из прислоненных к стене, но мне нечего к ним добавить, красками я лучше выражаюсь, чем словами". Несомненно, он был глубоко прав. И тут же, не переводя дыхания, добавил: "Лучше я вам расскажу, как вчера ночью в "Жокее" (это было популярное в те дни монпарнасское кабаре) Кики, певшая свои полупохабные песенки, снова не на шутку подралась с кем-то из публики. Мы еле их разняли. Характер у нее стал невозможный, а ведь когда-то (это "когда-то" означало – до 1-й мировой) какая была превосходная модель, какая женщина, какой темперамент". И пошла плясать губерния, его уже было не остановить.

**Дар Берты М. Ципкевич
Париж
(О коллекции Л.Бакста
в Музее Израиля,
Иерусалим)**

*Марина Генкина
(Иерусалим)*

В коллекции Музея Израиля в Иерусалиме сегодня насчитывается около семидесяти произведений Леона Бакста¹. Наряду с эскизами костюмов и декораций в коллекции есть и гораздо менее известный, во всяком случае широкой публике, Бакст: рисунки, пейзажи, портреты, академические штудии.

Все эти работы экспонировались на выставке произведений художника в Музее Израиля летом 1992 года. Приблизительно за год до открытия выставки, когда началась подготовка к ней, неожиданно обнаружилось, что происхождение двадцати восьми экспонатов, которые положили основу коллекции, никому неизвестно. На все остальные работы Бакста, принадлежащие музею, имелись соответствующие документы: что было подарено, когда и кем; что куплено музеем, когда и у кого; каким образом эти вещи попали к их предыдущим владельцам – словом, документация соответствовала обычной музейной практике, принятой во всем мире. Но двадцать восемь произведений без документов – почти половина музейной коллекции! Случай совершенно беспрецедентный – даже частные коллекционеры предпочитают точно знать историю принадлежащих им вещей, не говоря уже о музее с мировым именем. Да и речь шла не об археологических древностях, которые, как известно, нередко добываются сомнительными путями и проходят через множество не слишком чистых рук, – речь шла о Баксте, жившем и работавшем, в сущности, не так давно и о котором так много написано. Известны практиче-

ски все владельцы крупных коллекций и аукционы, на которых его работы продавались; к тому же, подлинность работ в данном случае не вызывала сомнений.

Собственно, в том, как работы попали в Иерусалимский музей, загадки не было: они были переданы сюда из Национального музея "Бецальель" в 1965 году в том виде, как они там хранились, — в большом пакете, на котором было написано имя отправителя: "M-me Tsirkévitch. Paris. 1948". Но как они попали в "Бецальель"? Кто эта женщина? Почему она решила сделать Иерусалиму такой подарок? И откуда у нее были работы Бакста?

Если в момент передачи и существовали какие-то сопроводительные документы, то установить спустя почти тридцать лет, где они, уже не представлялось возможным. Оставалось только одно: начать поиски.

И по причине, указанной выше. И потому, что существует старая еврейская традиция — благодарить за подарок; в том же Иерусалимском музее буквально на каждом шагу — таблички с именами дарителей и жертвователей; неважно, картина это, археологический экспонат или лифт, построенный на чьи-то деньги. И это именно старая традиция — множество предметов иудаики, экспонирующихся в музее, снабжены табличками, на которых выгравированы, вышиты, вытканы или написаны имена дарителей; они были сделаны одновременно с изготовлением и органически входят в ткань произведения.

И наконец, подбор работ совершенно очевидно был неслучайным. Конечно, в 48-му году самые значительные произведения Бакста уже находились в крупнейших музеях мира. Но собрание, поступившее в "Бецальель", было отобрано опытным человеком, хорошо знавшим творчество художника, и давало представление о многообразии этого творчества.

Естественно, большая часть работ — эскизы декораций и костюмов: восемнадцать листов, выполненных в самых разных техниках, — акварель, карандаш, тушь; есть среди них и "греческие" эскизы костюмов — знаменитая идея Бакста, которая, как и другие его идеи, оказала влияние не только на театральный дизайн, но и на хореографию. И тут же — "рабочие" эскизы, с надписями и заметками (например, лист эскизов к "Саломее", датируемый 1912 годом). Такого рода работы не всегда привлекают внимание широкой публики, но бесценны для специалистов.

Театральными работами коллекция не ограничивается. Мы видим

Фото Л. Бакста из семейного альбома, подписанное "Дядя Льва"

Бакста-иллюстратора – а именно с этого начиналась его художественная биография: в собрании находится рисунок тушью, который представляет собой нижнюю часть обложки "Путеводителя Русского Музея Императора Александра III". Рисунок, предшествовавший окончательному эскизу, выполнен в 1906 году.

Из редких работ необходимо упомянуть и эскиз костюма для французского журнала "Fantasie sur le Costume Moderne" 1912 года (карандаш и акварель). Это было время, когда Бакст очень увлекался разработкой моделей современной одежды – обычной, а не театральной – созданные им костюмы весьма ценились парижскими модельерами.

И кроме того, пейзажи, карандашные портреты, академические штудии – наброски фигур, рук; небольшой жанровый набросок – "Удающий мальчик" (дата создания неизвестна).

Даже из этого беглого перечня видно, что человеку, который отправлял работы в Иерусалим, было из чего выбирать.

Итак, следовало установить, кто эта женщина, приславшая в 1948 году в "Бецалель" работы Бакста, почему она решила сделать такой подарок Иерусалиму, и откуда у нее были работы Бакста?

Куратор выставки Ева Шнайдерман написала в Лондон – известному коллекционеру и историку искусства Н.Д.Лобанову², который много занимался Бакстом и был знаком с его парижскими родственниками; старалась рассказать о своих поисках как можно большему числу людей, справедливо полагая, что чем больше сеть, тем больше вероятности, что в нее что-нибудь попадет.

И метод себя оправдал. Сведения в конце концов были получены, и не из одного, а сразу из нескольких источников.

В конце января 1992 года в газете "Звенья" была опубликована моя статья о готовящейся выставке, о Баксте и "Русских сезонах". По просьбе работников музея я рассказала в ней также о неуставленном происхождении коллекции в надежде, что среди читателей может оказаться человек, который что-то об этом знает.

И действительно, через несколько дней мне позвонила незнакомая женщина и сказала, что она – Ирина Манфред, из Москвы, здесь в гостях, – внучатая племянница Бакста. Кто такая эта Ципкевич (а именно так была прочитана в музее фамилия отправительницы), она не знает, но может дать адреса и телефоны тетушек, племянниц Бакста, живущих в Париже, – может быть, они помогут.

Случилось так, что я в это время собиралась ехать в Париж. Я

с благодарностью взяла у Ирины адреса и телефоны, не очень, впрочем, надеясь на успех, – столько лет прошло, тетушки весьма немолоды, да и не могут они знать всех, у кого были когда-то работы Бакста. Но все-таки хоть какая-то ниточка, стоит попробовать. Я, конечно, и думать не могла, что все окажется так просто.

Итак, я оказалась в Париже, но, прежде чем звонить по указанным телефонам, начала искать среди знакомых кого-нибудь, кто "вхож в дом" к сестрам. Русская эмиграция в Париже, и первая и последняя, ревниво оберегает свою клановость и замкнутость; первый вопрос, который вам задают, – с кем вы знакомы. Но чем-чем, а знакомствами мы, в нашем московско-ленинградском, почти полностью уехавшем из России "круте", обижены не были. И не успела я приняться за поиски "связей", как обнаружилось, что Катя Барсак³, с которой мы встречались в доме моей близкой московской подруги, – дочь одной из сестер, племянниц Бакста. Я позвонила Кате. Оказалось, что ее мама сейчас больна, и лучше обратиться к тетушке, Марии Марковне Константиновне, старшей из сестер; несмотря на преклонный возраст – ей сильно за 90 – она прекрасно все помнит и с удовольствием рассказывает о любимом дяде Леоне. Тем более, что именно она всю жизнь посвятила памяти дяди, хранила его архивы и, конечно, скорее всех что-то знает. "А что, собственно, вас конкретно интересует?" – спросила Катя. И я, понимая, что это, в общем-то, просто светский вопрос, все-таки рассказала в двух словах всю историю и спросила, не знает ли она случайно, кто такая эта Ципкевич? И услышала изумленный Катин ответ: "Как же я могу не знать, когда это тетя Беба! Берта Марковна, третья сестра, ее уже нет в живых. Только она была не Ципкевич, а Ципкевич. Да, она послала когда-то работы Бакста в Израиль. Но тетя лучше вам все это расскажет, она знает все подробности".

Вот так просто и никаких загадок. И, как это всегда бывает, стало казаться совершенно непонятным, как можно было прочесть английское сочетание букв в начале фамилии как "з" и почему никто из тех, к кому обращались, не услышал, что это просто фонетическая ошибка. (Как выяснилось впоследствии, Берту Марковну Ципкевич многие из тех, у кого наводили справки, знали хотя бы понаслышке.)

Стоит ли говорить, что я немедленно позвонила Марии Марковне Константиновне?

– Что вы, голубушка, – сказала она мне в этом первом телефон-

ном разговоре, — какие встречи. Мне же сто лет. Что? Ну, правда, немножко меньше. Но в моем возрасте это уже неважно. Так что поговорите лучше с моими сыновьями, они от меня много слышали обо всем.

Все это было сказано отнюдь не дрожащим старческим голосом, как можно было бы ожидать, а твердо и энергично, с той замечательной забытой русской интонацией, которая сохранилась, кажется, только у старых русских эмигрантов.

И я встретила с сыновьями, архитекторами Никола и Пьером, в их прекрасном доме в Медоне, одном из самых красивых и респектабельных пригородов Парижа; и потом мы все-таки спустились к маме, которая живет в том же доме, и разговаривали — о Баксте, обо всей семье и о Берте Марковне Ципкевич, и смотрели семейные альбомы; и Мария Марковна сдержанно сказала: "Очень хорошую книгу написала И.Пружан". Она была у нас, смотрела, слушала, как вы сейчас. Но одну ошибку она все-таки сделала: наш дедушка не держал осудную кассу; он был ученый, талмудист, а вовсе не ростошник". А на стенах висели эскизы Бакста.

Это был замечательный день, и не покидало странное ощущение: начало века, такая давняя история... И вот я сижу здесь и разговариваю с людьми, для которых все это — не история, не искусствоведение, а воспоминания о собственной жизни, семейные воспоминания.

Но визит мой не мог продолжаться бесконечно долго. Я откланялась, оставив листок с некоторыми вопросами, на которые не удалось сразу получить ответ. Уже вернувшись в Иерусалим, я получила — и продолжаю получать — письма от мсье Никола, с которыми мы стали добрыми друзьями. Именно благодаря его любезности я располагаю сейчас сведениями обо всей семье — мсье Никола Константинович подробнейшим образом рассказал мне в письмах и о Берте Марковне, и обо всех родственных связях их большого семейства. В дальнейшем я, с его позволения, процитирую эти письма*.

Как я уже сказала, сведения о дарительнице, которые никак не удавалось отыскать, начали поступать из разных источников.

По возвращении из Парижа я узнала, что за это время было получено письмо от Н.Д.Лобанова, в котором он сообщил то, что ему

*Мы благодарны М.М. и Н.Константинович за это разрешение и за предоставленную возможность опубликовать фотографии из их семейного альбома, а также Н.Д.Лобанову за разрешение опубликовать его письмо и за содержащиеся в нем ценные сведения (автор и редакция).

было известно. В каталоге музея, вышедшем в связи с выставкой, об этом упомянуто не было, и, по просьбе автора, я привожу его письмо в музей целиком*.

апрель 1992

Н.Д.Лобанов, Лондон

Родственники Леона Бакста
в Париже

(Заметки для Израильского
музея в Иерусалиме)

У Бакста были три племянницы, сестры, жившие в Париже, и племянник, м-р Клячко. После смерти Бакста его произведения были поделены на 4 части — трем племянницам и племяннику. По причинам, которых я не помню, его сын Андре не унаследовал работ, но ему было оставлено ателье отца на ул. Лористон, Париж 16; тел. 704.44.31. Проход к нему через двор, повернуть направо по 8-й лестнице, 4-й этаж, дверь прямо перед вами. Его вдова все еще жила там вплоть до 1989 года, когда я разговаривал с ней по телефону, и, возможно, он по-прежнему там.

Берта Марковна Ципкевич (Мадам Никола, как ее называли в доме, где она жила — по имени ее мужа Николая Ивановича). Она жила на ул. Лафайетт, 103, Париж 10; тел. 526.89.78, вход Б, 5-й этаж, налево от лифта. Когда в 1965 году я в течение шести месяцев жила в Париже, я впервые посетил сестер. Миссис Ципкевич принадлежала самая большая, по сравнению с другими наследниками, часть произведений Бакста. Картин было так много, что часть, принадлежащая м-ру Клячко, хранилась в основном на балконе, покрытая пластиковой пленкой, и многие работы пострадали от сырости. Я видел по крайней мере 50 рисунков костюмов, частично пострадавших от водяных пятен. В 60-х годах интерес к произведениям Бакста вновь начал возрастать. Так, в 1964 году когда я разговаривал с ней по телефону, двое покупателей

Берта Ципкевич

уже побывали там и приобрели лучшие работы. Один был коллекционер из Нью-Йорка Говард Ротшильд, коллекция которого, в соответствии с его волей, была передана после его смерти в 1989 году Гарвардскому театральному музею. Второй, профессор Эмилио Бертонацци, совладелец галереи Леванте, Виа Спига 1, Милан, и Виа Джорджигиана 5 в Риме. Бертонацци готовил представительную выставку русского искусства и в связи с этим позвонил миссис Ципкевич. Его выставка, которая была одной из первых на эту тему – "Вклад русских в авангардное искусство", открылась в сентябре 1967 года и сопровождалась серьезным каталогом.

Между 1966 и 1969 годом я приобрел 13 произведений у миссис Ципкевич по ценам от 40 до 150 ам. долл. Она предлагала к продаже около 300 произведений, но мои средства не позволили мне купить больше.

В 1948 году миссис Ципкевич подарила произведения Бакста Музею искусства "Бецалель" (Израиль) по двум соображениям:

а) В то время произведения Бакста не представляли коммерческого интереса, а работы загромождали дом;

б) Несмотря на то, что у Бакста были противоречивые чувства по отношению к своему еврейству, была логика в том, чтобы передать картины именно туда, тем более, что ведущие музеи Парижа уже владели выдающимися произведениями этого великого мастера театрального искусства.

Миссис Ципкевич хранила альбом репродукций всех произведений Бакста, надеясь использовать их когда-нибудь для публикации в систематическом каталоге. Я не знаю, где они сейчас, как и все остальные документы (хранились в чемодане), которые у нее были и куда все это делось после ее смерти².

Мария Марковна Константинович (известная как мадам Констант) закончила свою жизнь в доме у своей дочери на ул. Анри Савиньяк 26, Бельвю пар Медон (пригород Парижа), 92190, Франция. Раньше она жила на ул. ген. Гальени 205, Булонь-Бийанкур, где я посетил ее в 1964 году. Ее коллекция работ была меньше, главным образом работы небольшого размера, которые хранились в чемодане. У нее я также приобрел несколько рисунков костюмов и декораций. В 1980, когда она переехала в Бельвю, у нее были в основном большие акварели с изображением тканей. Они стоили очень дорого, и видимо поэтому остались непроданными.

Миля Марковна Барсак ул. А. Барсак, Париж 8. Она жена известного французского театрального режиссера Андре Барсак. Они жили в боль-

шой, элегантной, тихой квартире, и у них было всего несколько работ Бакста на стенах. Возможно, это потому, что м-р Барсак тоже был театральным художником.

Она редко продавала принадлежавшие ей дядини работы, поскольку, в отличие от сестер, не нуждалась в деньгах. В 1970-х и 1980-х годах, когда цены на Л. Бакста резко подскочили, она продала на Сотбис, Лондон, несколько картин и рисунок Пикассо, изображающий Бакста сидящего на стуле.

* * *

Итак, личность дарительницы была установлена. Однако мотивы, по которым м-м Ципкевич передала работы Бакста в музей "Бецалель" не исчерпывались указанными Н.Д. Лобановым, и семейное предание дополняет сведения Никиты Дмитриевича. Передаю эту историю со слов Марии Марковны Константинович и ее сына, Никола Константиновича.

Первым мужем Берты Марковны был некий Жорж Разаматт, за которого она вышла в 1925 году. Семейная жизнь оказалась очень неудачной во всех отношениях. В числе прочего, муж Б.М. попытался, несмотря на протесты семьи, объявить себя единственным хранителем и распорядителем всего художественного наследства Бакста, хотя он ни к Баксту, ни к его наследству не имел ни малейшего отношения. Когда это не удалось, он начал потихоньку продавать работы, а вырученные деньги тратил только на собственные нужды. В семье об этом говорят неохотно, и в разго-

Эскиз из коллекции Б. Ципкевич

воре со мной только повторяли все время, что "она была такая добрая и такая замечательная, а он был непорядочный человек, он ее обкрадывал и издевался над ней, это был очень, очень неудачный брак". В конце концов Б.М. рассталась с Разаматтом и вышла замуж за Николая Цишкевича, который "был превосходным инженером и не интересовался искусством"⁸.

Но это произошло позже, а в период своей жизни с Разаматтом Б.М. работала у парижского врача Леона Фильдермана ассистенткой – семья бедствовала, и оставить работу после замужества Б.М. не имела возможности. Леон Фильдерман, преуспевающий врач и вполне ассимилированный еврей, остро ощущал свое еврейство, разделял идеи сионизма и очень повлиял в этом смысле на Б.М. Так что ее решение подарить работы Бакста Израилю было продиктовано не только – а может быть, и не столько – тем, как она понимала отношение Бакста к своему еврейству, но и тем, что она сама думала о своем еврейском происхождении, о сионизме и Израиле.

Была еще одна причина. "По настоянию Любы, жены Фильдермана, и по ее советам Б.М. решила передать в Израиль картины Леона Бакста, которые ей принадлежали, чтобы спасти свое имущество, поскольку она чувствовала опасность и угрозу со стороны своего первого мужа Разаматта, который вел себя так же, как в то время, когда они были женаты"⁹.

В заключение я хочу привести выдержки из письма мсье Никола Константиновича, поскольку никакие изложения не могут сравниться с рассказом человека, который был свидетелем событий или, по крайней мере, семейных обсуждений этих событий.

Париж, 24 июня 1993

Берта Марковна была второй дочерью моей бабушки Софьи Самойловны Клячко, урожденной Розенберг, братом которой был Л. Бакст.

Леон Бакст и его сестра, а также четверо ее детей, Маруся (моя мать), Берта (Берта Марковна), Мила (мать Катерины) и Польш (Павлик) уехали из России в 1913 году в Швейцарию, где Бакст лечился от высокого давления.

Вначале он хотел взять с собой сестру и мою мать. Он боялся, что остальные дети будут утамливать его, но Софья Самойловна убедила его взять всю семью.

В 1920 г. Леон Бакст обосновался в Париже, бульвар Мальзерб, 112, где он приватил всю семью в ателье живописи, в котором он работал вплоть до самой смерти. Он умер в декабре 1924 г. в клинике Мальмезон.

Отец Льва Бакста Самуил Розенберг. Фото из семейного альбома

Дети начали работать. Моя мать – у модистки на бульваре Мальзерб, Берта Марковна – ассистенткой у доктора Фильдермана, женой которого была Люба; отец Любы был братом отца Жоржа Разаматт, первого мужа Берты Марковны, за которого она вышла в 1925 г. У них была дочь Аня.

В 1942 году, измученная поведением своего мужа Жоржа Разаматт, Б.М. вышла замуж во второй раз, за Николая Ципкевича, инженера, с которым они жили в Париже на улице Лафайетт.

Берта Марковна (тетя Берта) после смерти своего мужа Николая Ивановича Ципкевича в 1979 году переехала к Анне и помогала всей семье.

Она была человеком редкой доброты. Мама говорит о ней: "Берта была самая лучшая из четырех детей. Самое большое удовольствие для нее было счастье других". Именно она много раз собирала в свой день рождения всю нашу семью.

Она постоянно общалась с моей матерью и помогала нам при каждом удобном случае.

Ее дочь Анна, которая обожала ее, трогательно заботилась о ней до самой ее смерти.

В детстве мы раз в неделю ходили обедать к тете Берте, и это очень укрепляло наши семейные узы. Теперь это делают Соня и Элен (внучки Б.М., дочери Анны – М.Г.), чтобы не потерять друг друга из виду и продолжить традицию Берты Марковны, для которой семья была так важна. Из всех четырех детей Софьи Самойловны Берта Марковна была самой трогательной в своей преданности; моя мама всю жизнь прожила, восхищаясь танцами и Леоном Бакстом; Мила пользовалась большим успехом благодаря живости характера; Поль был талантливым карикатуристом и очень добрым человеком, как и его сестра.

Именно Берта Марковна всегда помогала всей семье: нам, когда мой отец потерял работу, Миле, которую она взяла к себе, когда ее муж Барсак умер, моей матери, здоровье которой всегда ее беспокоило, и брату Паю, которого она очень часто принимала у себя и положение которого нередко было не из легких¹⁰.

...В каталоге музея, выпущенном в связи с выставкой, стало возможным напечатать одну строчку: "Дар Берты М. Ципкевич. Париж".

Примечания

1. Леон Бакст (Лев Самойлович Розенберг). 1866-1924. Родился в г.Гродно, Белоруссия. Семья вскоре переехала в Петербург. Склонность к рисованию обнаружилась еще в раннем детстве. Окончив гимназию, он, по совету Антокольского, видевшего его рисунки, поступает в Петербургскую Академию Художеств, но не заканчивает ее, так как его не устраивают консервативные методы преподавания. В 1890 году знакомится с художниками, братьями Бенуа, а через них – с петербургской художественной элитой (А.Бенуа, С.Дягилев, Д.Филозофов, К.Сомов, Е.Лансере и др.). Вместе с А.Бенуа становится одним из основателей "Мира искусства". Работает в императорских театрах Петербурга, где находит свой путь театрального художника, занимается книжной иллюстрацией, пишет картины. В 1906 году по приглашению С.Дягилева оформляет выставку "Два века русской живописи и скульптуры" в Париже, успех которой был предвестником будущих "Русских сезонов". С начала "Русских сезонов" в 1909 году Бакст становится одним из ведущих театральных художников в спектаклях, организованных С.Дягилевым.

С 1909 года жил преимущественно в Париже, где и умер в декабре 1924 года. Псевдоним "Бакст" принял, когда впервые участвовал в выставке в 1889 году, взяв фамилию своей бабушки по материнской линии.

2. Национальный музей "Бецальель" – возник при основанной в Израиле в 1906 г. Борисом Шацем художественной школе Бецальель. В 1964 году, в связи с открытием нового Музея Израиля, вошел в него и прекратил свое существование.

3. Лобанов Никита Дмитриевич, род. в 1936 в Софии. Ученый, искусствовед, коллекционер. Подробная биографическая справка о нем – см. 1 выпуск данного издания (Иерусалим, 1992).

4. Дочь Андре Барсака. Барсак Андре, 1909-1973. Родился в Феодосии. Известный французский театральный художник и режиссер.

5. См. список литературы.

6. Н.Константинович рассказывал мне, что у его матери много лет хранился чемодан с письмами Л.Бакста и другими материалами. Однако, когда по моей просьбе он попытался найти его, чтобы опубликовать письма, в доме чемодан обнаружить не удалось, а спрашивать у матери он не решился, чтобы не волновать ее – Мария Марковна много лет надеялась, что кто-нибудь всем этим заинтересуется. Ни в Национальную библиотеку, ни в какой-нибудь музей Парижа эти материалы переданы не были – из всех мест, куда были посланы запросы, пришли отрицательные ответы. Возможно, что речь идет о том самом чемодане, о котором говорит Н.Д.Лобанов. Однако так это или нет, следы и тех и других материалов на сегодняшний день утеряны.

7. Здесь вкралась ошибка: М.М.Константинович пребывает в добром здравии, она живет в доме своих сыновей, но никогда не имела дочери.

8. Письмо Н.Константиновича ко мне от 2 июня 1992 года.
9. Письмо Н.Константиновича от 24 июня 1993 года.
10. Там же.

Список литературы (составлен И.Пружан)

- Бенуа, А. Русская школа живописи. СПб, Р.Голике и А.Вильберг, 1904.
 Пожарская М.Н. Русское театральное-декорационное искусство конца XIX начала XX века. М., "Искусство", 1970.
 Пожарская М.Н. Русские сезоны в Париже. М., "Искусство", 1988.
 Пружан И.Н. Лев Самойлович Бакст. Л., "Искусство", 1975.
 Léon Bakst. Painting and stage design. Art and stage in 20th century. Ed. by Hennig Rischbieter. New York, Graphic Society, 1968.
 On Stage: The Art of Léon Bakst. Theatre Design and other Works. Catalogue of the exhibition, The Israel Museum, Jerusalem, Summer 1992. By Eva Sznajderman.
 Dana Souhami. Bakst, The Rotschild panels of "The Sleeping Beauty". London, Phillip Wilson, 1992.
 Charles Spencer. Léon Bakst. London, Academy Editions, 1973.

Мане-Кац, художник из Кременчуга

Любовь Латт
(Иерусалим)

Мане-Кац. Портрет работы П.Пикассо

Кац, выходец из России, учившийся в Киеве, Париже, Петрограде, деливший свою жизнь между Францией и Эрец-Исраэль, изъездивший весь мир и закончивший свои дни в Израэле, художник с мировым именем, чьи работы хранятся во всех крупнейших музеях.

Мануэль Кац родился 5 июня 1894 года и был седьмым ребенком в семье благочестивого Лейзера Каца, занимавшего скромную должность *шамеса* (самый низший чин в синагогальной иерархии) в городе Кременчуге на Днепре. Был он еще и *баал-хоре* – читающим Тору, и исполнял много других обязанностей, отнимавших массу времени, но не приносящих доходов. Отец мечтал о карьере ребе для сына. Какой же шамес не хочет, чтобы сын его стал ученым раввином? И маленького Мануэля, едва ребенку исполнилось четыре года, отдали учиться в *хедер*. Через несколько лет у него обнаружили недюжинные способности к рисованию, а в шестнадцать Кац расстаётся с ишивой и вступает на тернистый путь художника. Отец, хоть и разделял взгляды ортодоксального еврейства на искусство, не чинил сыну препятствий, но и не мог снабдить его деньгами на до-